

«МОРДОВСКИЕ ЯЗЫКИ ГЛАЗАМИ ЛИНГВИСТА-ФИННОУГРОВЕДА»: заметки на полях четвертого сборника избранных статей Д. В. Цыганкина

Уже несколько лет Издательство Мордовского университета занимается публикацией избранных трудов известного российского лингвиста, выдающегося финно-угроведа, исследователя мордовских языков Дмитрия Васильевича Цыганкина. Четвертый сборник увидел свет в 2014 г.

Даже если судить только по оглавлению, видно, что сборник получился содержательным и сбалансированным, а структура работы продумана в деталях. В первом разделе, «Лингвистика», собраны статьи, посвященные вопросам морфологии, словообразования, лексико-грамматических образований и этимологии слов. Они написаны на материале мордовских языков с привлечением данных вепсского, хантыйского, ненецкого, саамского, мансийского и селькупского языков.

Две статьи связаны с компаративистикой. Первая, более объемная, носит заголовок «Репрезентация общеуральских корневых морфем в мордовских и селькупском языках». Обосновывая историческую связь финно-угорской и самодийской ветвей уральской семьи, автор рассматривает варианты репрезентации общеуральских корневых морфем в мордовских и селькупском языках. В качестве общеуральских Д. В. Цыганкин упоминает, например, слова (корни) со значениями «ободрать; содрать», «позвать; сказать», «дуть (о ветре); выветриться», «приходить; наступать (о вре-

мени года)», «вода; выпить; стать водянистым», «гнию; сгнить; загноиться», «кость; труп; окостенеть».

Совершенно очевидно, что эта статья – результат серьезной исследовательской работы. Д. В. Цыганкин не только выявил большое число общеуральских корней, но и сгруппировал их в соответствии со степенью их участия в именных и глагольных основах. Всего выявлено 12 группировок, что можно считать очень подробной классификацией.

В небольшой статье «Этимология некоторых мокшанских и эрзянских слов», посвященной, казалось бы, локальному вопросу, содержатся сведения, представляющие интерес для любого уралолиста и этимолога. Это, например, относится к словам (корням), попавшим в уральские или финно-угорские языки из «иранской языковой стихии» (выражение Д. В. Цыганкина), таких как эрзянские и/или мокшанские рангомс «кричать; реветь; громко плакать; рычать (о животных)», ломань «человек», реземс «болеть; опухать», мокшна / мокшенда «кулак (руки)».

Завершается первый раздел книги заметкой «Лингвистическое наследие М. Е. Евсевьева», в которой анализируются две работы выдающегося мордовского просветителя и общественного деятеля – книга «Основы мордовской грамматики» и незавершенный диалектологический словарь «Эрзянь рузонь валкс». В заметке привлека-

ет внимание то, что Д. В. Цыганкин еще раз говорит о двух разных языках – эрзянском и мокшанском, бросая упрек своему предшественнику, который писал об одном мордовском языке и его диалектах. Но небольшое замечание полностью «перекрывается» высокой оценкой, которая дана «Основам мордовской грамматики» М. Е. Евсевьева: «...значение этой работы в истории языкознания очень велико. В ней впервые собран значительный материал, характеризующий разнообразие морфологических конструкций... сделана попытка найти в этом разнообразии систему, тщательно описать ее и подвергнуть морфологическому анализу» (с. 82).

Во втором разделе сборника представлены статьи по вопросам мордовской ономастики. Разные по объему, все они одинаково проникнуты научной глубиной, тщательной прорисовкой деталей, вниманием к свойствам мордовских языков, равно как и других языков региона, в первую очередь русского и татарского, отраженным в рассматриваемых онимах. Первая статья раздела – «Топонимы, связанные с историей засечных черт» – посвящена этимологии этих названий. Например, происхождение наименований двух важных населенных пунктов объясняется так: «Опорным пунктом-крепостью на оборонительной линии был Инсар. В названии отражается гидроним (река Инсар), составленный из двух мордовских

слов: ине “большой” и сар/сара – “ответвление”, “развилка”, “приток”... Темник (город): в названии усматривается тюркский элемент – темень/тюмень “множество”, “десять тысяч” или тумэн “полк”, “войско, состоящее из 10 тысяч человек”. Темник – это военачальник над тюменью, тьюмо, то есть десятью тысячами населения» (с. 87).

В статье «История в топонимии (разговор с картой Республики Мордовия)», также посвященной топонимии, сначала приводится список рек, по именам которых получили названия многие города и села республики: Аксел, Акшов, Арга, Атемарка, Атьма, Барахманка, Кивчей, Лухма, Виндрей и др. Далее представлены топонимы, имеющие существенное значение для историко-экономического познания Мордовии: Жаренки, Есины Починки, Княжие Починки, Кулаевы Починки, Луньгинский Майдан, Сивинский Майдан, Лемдяевский Майдан, Барахманский Майдан, Пильно, Смольный, Лубинка, Лубня, Левжинка, Оброчное, Пятина, Ямщина, Старая Ямская Слобода и многие другие.

В заметке «Улица, по которой ты ходишь каждый день» речь идет о нескольких разрядах названий улиц. Это названия, связанные с наименованиями городов (Московская, Казанская, Псковская и др.), олицетворяющие этапы становления Страны Советов (Революционная, Октябрьская, Стахановская, Пятилетка, Победы и др.), имеющие историко-культурную ценность (Стрелецкая, Проломная, Поташная, Кирпичная, Базарная и др.), ориентирующие по церквям (Троицкая, Богословская, Успенская и др.), по местным признакам (Горная, Песочная, Овражная и др.).

В заметке «Листая страницы истории» разбирают-

ся топонимы, которые имеют историко-культурный характер, возникли в зависимости от конкретных исторических событий. Первым таким событием, как пишет Д. В. Цыганкин, было строительство сторожевых засечных черт на юго-восточной границе Российского государства с последующим возникновением поселений по засечной линии. Служилым людям выделялась «земля под двор, под огород и под гумно», становящаяся основой поселений. Назывались они, как правило, по именам служилых людей. Например, название Ардатов связано с мордовским дохристианским (языческим) именем Ордатка, восходящим к словам ордадомс «обидеться» или ордакш «ломака, зазнайка». А в названии Саранск «спрятано древнемордовское слово сар/сара, восходящее к финно-угорской эпохе. Оно унаследовано древнемордовским языком в формах сар/сара/сура/сора в значении «ветвь, разветвление, развилка, приток». В таком же значении сохранилось и в родственных языках» (с. 110).

В заметке «В мире названий мелких географических объектов» Д. В. Цыганкин выдвигает основополагающий признак классификации микротопонимов: в зависимости от того, какие географические реалии обозначаются. В результате такой классификации обнаруживается 13 основных групп микротопонимов:

1) названия, характеризующие географический объект (размер, форма, глубина, протяженность, дальность, геометрия расположения и т. д.);

2) названия, отражающие цветовые признаки объекта, другие его качественные особенности;

3) названия, дающие представление о флоре местности;

4) названия, характеризующие фауну местности;

5) названия, в которых запечатлено пространственное положение географического объекта по отношению к другому объекту;

6) названия, в которых отражены особенности грунта, почвы;

7) названия, связанные с личными именами, фамилиями, прозвищами людей;

8) названия, отражающие область прежних социальных и этнических отношений, религиозных воззрений и верований, мест проведения религиозных культовых обрядов;

9) названия, характеризующие хозяйственную деятельность русских, мокши и эрзи во всех аспектах (земледелие, обработка дерева, смолокурение, изготовление кирпича, добыча торфа, обработка конопля);

10) названия, иллюстрирующие разнообразные связи мокши, эрзи и русских. Показательны в этом отношении микротопонимы с элементами гибридности, т. е. в составе названия имеются и русское, и мордовское слова;

11) названия, являющиеся обозначением лиц по их социальной принадлежности и социальному положению. К этой же группе примыкают названия, отражающие земельные переделы и вызванные ими споры;

12) названия, от которых можно получить информацию о характере прежнего землепользования, границах земельных участков и других отметках о деятельности человека на земле;

13) названия семейно-фамильного характера. Они информируют о том, что тот или иной объект принадлежит (принадлежал) не одному лицу, а целой семье или родственникам.

Наличие выявленных групп подтверждается материалом других языков: финно-угорских, самодийских, тюркских, тунгусо-маньчжурских,

языков других семей. Приведу только один пример – из хантыйского языка. Приезжая на свою малую родину, всякий раз стараюсь посетить место, где жили мои предки – Каксинскую гору. Но это, понятно, русское название давно оставленного родового стойбища. По-хантыйски название звучит так: /Rer-joxum-kört/, в написании по-русски, иногда, – Рябегомкурт. На русский язык это словосочетание переводится как «деревня на лесистом обрыве у реки», т. е. мы имеем название, отражающее «геометрию расположения объекта» (по выражению Д. В. Цыганкина), название, характеризующее географический объект («в привязке» к ландшафту (см. пункт 1 вышеприведенной классификации).

Ценность такой дробной таксономии несомненна, принципы, примененные Д. В. Цыганкиным для ее выработки, могут быть применены при анализе микротопонимов в других языках, в частно-

сти в хантыйском. Очевидно, что по разделам такой классификации могут быть распределены и другие микротопонимы бассейна реки Казым: Ne šöjjum vüs «Ручей, (где) утонули женщины», Atum juḥap «Нехорошая речка», Tüt joḥum kört «Стойбище в горелом бору», Evet loḥ «Девичье озеро», Jurn imi loḥ «Озеро ненецкой женщины», Jiḥk voj juḥap «Река бобров», Nanḥ raj loḥ «Озеро лиственничного острова», N'arsa kört «Деревня рода Няrsa» и др.

Названия еще двух заметок в рассматриваемом разделе («Ономастика») говорят сами за себя: «Фамильные основы у эрзи и мокши (лексикосемантический анализ с этимологией)» и «Семантика индивидуальных и семейных (родовых) прозвищ жителей эрзянских и мокшанских населенных пунктов».

В следующем разделе сборника содержатся размышления Д. В. Цыганкина о национальном отделении Мордов-

ского государственного университета, о «Словаре метафизического языка» Л. И. Карпенко и К. В. Нечаевой-Зубец, о статьях для «Диалектологического атласа эрзянского языка» и др.

В заключительной части сборника помещены отзывы и рецензии Д. В. Цыганкина на работы по финно-угроведению. Завершается сборник рецензиями коллег на труды Д. В. Цыганкина.

Возвращаясь к общей оценке сборника, повторю, что отличительными его чертами являются содержательность, насыщенность фактами, сбалансированное представление языковых уровней (по разделам) и самых разных языков (не только мордовских – эрзянского и мокшанского). Высокий теоретический уровень работ, включенных в сборник, позволяет использовать сведения и суждения, содержащиеся в них, специалистам, занятым изысканиями в разных областях лингвистики.

А. Д. Каксин,

*доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова», ГБНИУ РХ «Хакасский НИИ языка,
литературы и истории»*